А.А. Вигасин

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭДИКТОВ АШОКИ: PARISAD*

Маурийский период принято считать эпохой высочайшего развития индийской государственности. В большинстве работ держава Маурьев характеризуется как единая и централизованная империя 1. Неоднократно делались попытки реконструировать ее сложную, бюрократическую систему администрации2. Царь в этой политической системе часто рассматривается как неограниченный владыка, деспот. С другой стороны, некоторые авторы усматривают в древней Индии такой коллегиальный орган управления, как «совет министров» (мантрипаришад)³. Не так давно Ж. Фюсман справедливо обратил внимание на то, что средства коммуникации в III в. до н.э. не позволяли осуществлять своевременный и эффективный контроль за ситуацией в отдаленных регионах. Из этого он вывел заключение, что «представители царя на местах должны были обладать весьма значительными полномочиями»⁴. Р. Тхапар теперь склонна более осторожно высказываться о структуре империи, полагая, что необходимо проводить различие между государством-метрополией и периферийными областями, сохранявшими большую или меньшую автономию⁵. Однако Р.Ш. Шарма настаивает по-прежнему на том, что Маурьи на всей территории державы осуществляли бюрократический контроль «не менее эффективный, чем римские императоры»⁶.

Основные источники, привлекаемые для решения данной проблемы — «Артхашастра» Каутильи и надписи Ашоки. Я вполне солидарен с Ж. Фюсманом⁷, когда он призывает к осторожности в работе с «Артхашастрой». И дело не только в датировке памятника, относимого ныне большинством исследователей к началу нашей эры, — отнюдь не ко временам Чандрагупты. Не менее важно учитывать характер памятника. Политическим трактатом традиционная «шастра» может быть названа лишь весьма условно. В отличие от Я. Хистермана⁸ я не вижу в «Артхашастре» даже утопического плана «универсалистского бюрократического государства»⁹. Во всяком случае изучение ее терминологии и концепций показывает, что основой социального устройства Индии являлись традиционные общинные структуры, а политическая власть принадлежала различным группировкам знати¹⁰. Для изучения Маурийской державы необходимо прежде всего использовать сведения эпиграфики. И мне представляется, что

 $^{^*}$ Статья выполнена при поддержке РГНФ в рамках проекта «Становление гражданского общества в древности» (код проекта 96-01-00508).

¹ См., например, характеристики, даваемые Р. Тхапар (*Thapar R*. Aśoka and the Decline of the Mauryas. Delhi, 1983. P. 5: «The size and scope of the imperial structure entailed a strong, centralized control... development of... bureaucracy and a properly organized administration... emphasis on governmental machinery and authority... uniform administration of the country»).

² Например, Breloer B. Kautalīya Studien. Bd 3. Lpz, 1934.

³ Бонгаро Левин Г.М. Паришад в системе государственного управления империи Маурьев // Древний мир. М., 1962; он же. Некоторые особенности государственного устройства империи Маурьев // История и культура древней Индии. М., 1963; он же. Индия эпохи Маурьев. М., 1973.

⁴ Fussman G. Quelques problemes asokéens // JA. 1974; idem. The Problem of the Mauryan Empire // Indian Historical Review. 1988. XIV. P. 56.

⁵ Thapar R. The Mauryas Revisited. Calcutta, 1987. P. 4.

⁶ Sharma B.S. Aspects of Political Ideas and Institutions in Ancient India. Delhi, 1991. P. 399.

⁷ Fussman. Op. cit. P. 46.

⁸ Heesterman J. Inner Conflict of Tradition. Delhi, 1985. P. 140: «He wants to achieve a universalistic bureaucratic state».

 $^{^9}$ См. Вигасин А.А. Основные черты социальной структуры древней Индии. Дис... д-ра ист. наук. М., 1995

¹⁰ См. он же. Государство // Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Артхашастра: проблемы социальной структуры и права. М., 1984.

анализ эдиктов Ашоки позволяет по-новому поставить вопрос о характере древнеиндийского государства.

Для начала попытаемся разобраться в содержании III Большого наскального эдикта (далее – БНЭ), особенно важного с данной точки зрения. Он посвящен регулярным объездам территории (апизатуапа), предпринимаемым по указанию центральной власти некими лицами, именуемыми yutta, rājūka, prādesika. На этот эдикт ссылаются все, кто пишет о Маурьях, его многократно переводили и комментировали ведущие санскритологи, но смысл отдельных фрагментов до сих пор остается неясным. Особенно противоречивы истолкования последнего предложения: parisā pi yutte āñapayissati gaṇanāyam hetuto са vyamjanato са (по гирнарской версии). Еще в начале века Д.Р. Бхандаркар¹¹ написал, что это место – одно из самых загадочных во всей маурийской эпиграфике. И относительно недавно У. Шнайдер¹² вновь высказал мнение, что «последняя фраза эдикта... до сих пор понималась совершенно превратно». С рассмотрения ее мы и начнем.

Сейчас никто уже не сомневается, что пракр. parisā соответствует санскр. parisad (а вовсе не puruṣās — «царские люди», или «слуги» — как предполагал, скажем, Б.М. Баруа¹³). Но значение самого слова «паришад» нельзя назвать вполне определенным, оно варьируется от текста к тексту. Речь идет о каком-либо «совете» или «собрании» — будь то в деревне или в городе, в монастыре или в царском дворце. В дхармашастрах обычно говорится о паришаде, состоящем из ученых брахманов, которые призваны определять нормы поведения («должное» — дхарма) и налагать наказание на ослушников¹⁴. В этом смысле когда-то толковал parisā Г. Бюлер¹⁵ — крупнейший знаток дхармашастр и один из пионеров изучения индийской эпиграфики.

В начале XX в. была открыта «Артхашастра» Каутильи, в которой встречается термин мантрипаришад — собрание царских советников. В духе модернизаторских построений эпохи термин трактовался как «совет министров». К.П. Джаясвал¹⁶ впервые предложил считать рагіза в эдиктах Ашоки идентичным «мантрипаришаду», и эта идея остается наиболее распространенной в историографии. Воспроизведенный выше фрагмент Е. Хульцш¹⁷, Р. Тхапар¹⁸, Ж. Блок¹⁹ и Д.Ч. Сиркар²⁰ переводят примерно одинаково: «Совет предпишет чиновникам». В тексте или в примечаниях к переводу поясняется, что речь идет о «совете министров».

Между тем уже давно обращалось внимание на то, что в большинстве версий глагол стоит во множественном числе (Калси: palisā pi ānapayissamti yuttāni, ср. Шахбазгархи и Еррагуди). Отсюда делался неизбежный вывод: предполагаемое подлежащее тоже должно стоять во множественном числе. Пракритская форма parisā/palisā может быть понята и как N.Sg.f., и как N (или Acc.) Pl.f. Видя это затруднение и пытаясь обойти его, Г.М. Бонгард-Левин предлагал перевод «собрания царских министров»²¹. Мне представляется это абсолютно невозможным по существу дела: собрание царских советников может быть только одно-единственное, а именно то, которое созывается в столице, в Паталипутре.

Именно поэтому Г. Людерс²², возращаясь к точке зрения Г. Бюлера, переводил «паришады» (во мн.ч.) как «судейские коллегии» (Richterkollegien). Вслед за ним и

¹¹ Bhandarkar D.R. Aśoka. 3 ed. Calcutta, 1955. P. 266.

¹² Schneider U. Die Grossen Felsen-Edikte Asokas. Wiesbaden, 1978. S. 122.

¹³ Barua B. Inscriptions of Asoka/Translation and Glossary. Calcutta, 1990. P. 73.

¹⁴ Cm. Kane P.V. History of Dharmaśāstra. V. II. Poona, 1974. P. 967 f.

¹⁵ Bühler G. // ZDMG. 47. S. 466 f.

¹⁶ Jayaswal K.P. Rock Edict VI of Aśoka // Indian Antiquary. 1913. 42. P. 283.

¹⁷ Hultzsch E. Inscriptions of Aśoka. Delhi, 1991. P. 5 (CII. V. I.).

¹⁸ Thapar. Aśoka... P. 251, cf. p. 97.

¹⁹ Bloch J. Les inscriptions d'Asoka. P., 1950. P. 97.

²⁰ Sircar D.C. Inscriptions of Asoka. Delhi, 1967.

²¹ Хрестоматия по истории древнего Востока. М., 1963. С. 417.

²² Lüders H. Philologica indica. Göttingen, 1940. S. 313 f.

У. Шнайдер подчеркивает, что речь не может идти об одном царском совете, а следовательно, указанные паришады должны были иметь местный характер.

Если полагать, что паришад (или паришады) отдает приказы, получателями последних оказываются уина. Форма уинапі (встречающаяся в большинстве версий) всегда интерпретировалась как Асс. Pl. (среднего рода или как диалектная форма мужского рода). Практически единодушно (ссылаясь на употребление санскр. yukta «в Артхашастре»)²³ в этих уина видят мелких чиновников, каких-то канцеляристов, клерков, исполняющих повеления «совета министров» или местных «судейских коллегий». Г.М. Бонгард-Левин²⁴, правда, предлагает толковать yutlani в значении «обязанности». Но он вынужден тут же пояснить, чьи это обязанности (т.е. кому отдаются приказы паришадом). В скобках добавляется «для чиновников» — таким образом, смысл остается таким же, как и при обычном переводе (official, commis, Beamte и т.п.).

В интерпретации концовки фразы (gaṇanāyam hetuto ca vyamjanato ca — Гирнар) противоречий еще больше, очевидно, из-за того, что так и не выяснено, о каких «юктах» идет речь. Г. Людерс предложил понимать gaṇana в смысле некоей кодификации вопросов дхармы: «Die Richterkollegien sollen auch ihre Delegierten mit der Paragraphierung unter Angabe von Gründen und in festem Wortlaut beauftragen». Е. Хульци в основном следует за Г. Людерсом: «to register (these rules) both with (the addition of) reasons and according to the letter». Мало отличий и в переводе Р. Тхапар: «to record the above making it both manifest to the public and explaining why». Г.М. Бонгард-Левин предлагает целых три варианта перевода: «Собрания царских министров подробно предпишут (выполнять) эти обязанности, а в случае невыполнения должно объяснить причину»²⁵, «И собрание предпишет регистрировать соблюдение этих правил с изложением причины и с объяснением (в случае их невыполнения)»²⁶, «И собрание (министров царя) предпишет подробно (в деталях) обязанности (для чиновников), согласно духу и тексту (моих указов)»²⁷.

Во всех приведенных примерах корень дап в слове дапапа трактуется в смысле «кодифицировать», «регистрировать», «записывать», «формулировать» и т.п. Но первое и буквальное значение глагола - «считать». И ряд переводчиков пытается истолковать текст именно в этом смысле - счета и отчетности. В слове ganana К.П. Джаясвал обнаружил даже целый государственный «департамент финансовой отчетности». По мнению Д.Р. Бхандаркара²⁸, чиновники проверяли накопления частных лиц. Ж. Блок полагал, что совет министров приказывал неким канцеляристам представить отчет о личных расходах царя (s'il est question de contrôler le budget personnel du roi). Наконец, У. Шнайдер предлагает следующий вариант: «Und die Palisas ihrerseits sollen die Yutas zur Abrechnung anhalten (und zwar) unter Angabe von Gründen [scil. für die Ausgaben] und schriftlich». Таким образом, оказывается, что паришады требуют у своих секретарей финансовые отчеты об их деятельности. Исследователь пытается связать эту фразу с какими-нибудь иными указами Ашоки, предполагая, что речь может идти, например, о расходах на посадку деревьев вдоль дорог (об этих деревьях говорится в предыдущем эдикте). Но он, очевидно, не замечает, что при подобном истолковании последней фразы она теряет всякую связь с предшествующим текстом данного указа. Ссылка же на упомянутую выше «умеренность в расходах» вряд ли

²³ Впрочем, мне кажется, без оснований. Yukta в «Артхашастре» имеет самое общее значение – «находящийся на службе», «чиновник» и т.п. Достаточно вспомнить известный пассаж: «Невозможно определить, сколько воды пьют рыбы, которые плещутся в воде. Так же невозможно узнать, сколько присваивают юкты, которым поручено дело». Хорошо известно, что казнокрадство отнюдь не ограничивается только мелкими клерками.

²⁴ Бонгард-Левин. Паришад... С. 405. Когда-то сходный вариант предлагал Е. Нойман (ZDMG. Bd 57. S. 345 f.), но его дополнение – «для людей» – вовсе не кажется удачным.

²⁵ Хрестоматия... С. 417.

²⁶ Бонгард-Левин. Паришад... С. 405.

²⁷ Там же.

²⁸ Bhandarkar. Aśoka, P. 266 f. (см. Бонгард-Левин. Паришад... С. 405).

может считаться убедительной: ведь речь идет об общем принципе дхармы, а вовсе не о практических требованиях к «секретарям совета». В противном случае, и почитание родителей следовало бы рассматривать как особую добродетель одних лишь канцеляристов.

Мне кажется, что прежде всего необходимо сопоставить различные версии данного эдикта. Начало последней фразы будет выглядеть следующим образом:

Гирнар: parisā pi yutte āñapayissati gaņanāyam.

Калси: palisā pi ca yuttāni gananassi ānapayissamti.

Epparyди: palisā pi ca gananasi yuttāni [ana]payisamti.

Шахбазгархи: pari [..] pi yutani gananasi anapeśamti.

Мансехра: pariṣa pi ca yutani gaṇanasi anapayiśati.

Дхаули: palisā pi ca [gaṇa]nassi yuttāni ānapayis[..]ti.

Бросается в глаза, что слово parisā/palisā/parisa совершенно не меняет своей формы от версии к версии. Между тем есть явственный параллелизм в сочетаниях глагола и уиttе/уиttāni. В Гирнарской версии уиttе сочетается с глаголом в единственном числе, во всех остальных уиttāni — с глаголом во множественном числе. Я полагаю, что и версия Мансехры не составляет исключения, анусвара здесь просто выпала — так же, как во ІІ БНЭ — sama[m]ta, в V БНЭ — anuvatiśa[m]ti, в VІ БНЭ — athrasa[m]tirana, в VІІ БНЭ — ucuvucacha[m]de, kasa[m]ti и др. Отсюда с неизбежностью следует принципиально важный вывод: подлежащим является вовсе не parisā/palisā, a yutte/yuttāni.

Рассмотрим сначала Гирнарскую версию (āñapayissati yutte). Окончание -е обычно для N.Sg.n. в восточном диалекте. Правильное окончание для Гирнара было бы -ат. Но поскольку оригинал эдиктов оставался в Магадхе, магадхизмы время от времени попадали и в Гирнарскую версию эдиктов (а также в Шахбазгархи). Приведем примеры смешения форм, которые можно найти почти в каждом эдикте: IV – dhammacarane, V – sethe kamme, VII – vipule dāne, VI – mūle uṣtānam ca (колебание между диалектными окончаниями чисто восточными – ср. К: mūle uṭthāne ca – и чисто западными – ср. Ш: mulam uthanam), VIII – dassane ca dāne ca, а чуть ниже – правильное dassanam (ср. аналогичное явление в III: drasane, но зато danam), IX mahālake maṃgale, а чуть ниже – правильное dhaṃmamaṃgalam, ср. в XIV mahālake vijitam и типичное колебание в Шахбазгархи XIII: satabhage va sahasrabhagam va.

Окончание -е изредка встречается и в N.Sg. мужского рода, как, например, XII БНЭ: devānampiye и в том же самом III БНЭ: rājūke prādesike (ср. правильные диалектные формы в Шахбазгархи: devanampiyo и rajuko). Во всяком случае yutte можно рассматривать как N.Sg. и переводить parisā pi āñapayissati yutte как «паришадам же ютта прикажет». Если слово parisā не является подлежащим, то оно может трактоваться только в качестве Асс. множественного числа (ед.ч. было бы parisām, ср. vihārayātām – VIII БНЭ).

Теперь мы можем обратиться к иным версиям. Yuttāni – обычная форма N.Pl.n. Легко ожидаемое возражение, что слово, означающее человека, «чиновника», не может быть среднего рода, легко парировать, сославшись, например, на mitra — «друг» (mātā mitram pitā ceti — «мать — это друг и отец — друг») и т.п. Кроме того, в пракритах слова мужского рода иногда имеют окончания среднего рода в N.Acc.Pl. Грамматики в качестве примера приводят devaim — «боги» (Хемачандра І. 34)²⁹. Отдельные слова в эдиктах Ашоки в одних версиях встречаются в мужском роде, в других — в среднем, например в І БНЭ «живые существа» (timni pānāni — К, Ер, Дж, Дх; trī prāṇā — Г; trayo ргаṇа — Ш). Таким образом, мне кажется, нет препятствий для вывода, что yutta — «официальное лицо» — является словом среднего рода (или словом, которое может иметь окончание среднего рода в N.Pl.).

Может быть сделано иное возражение: в начале III БНЭ уже есть N.Pl. от yutta, и эта форма кажется обычной для мужского рода – yuttā во всех версиях (например,

²⁹ Pischel R. A Grammar of the Prakrit Languages. Delhi, 1981. P. 287 f.; Вертоградова В.В. Пракриты. М., 1978. C. 54 сл.

Калси: yuttā lajūke pādesike... anusaṃyānaṃ nikkhamaṃtu). Но дело в том, что в эдиктах Ашоки (так же, впрочем, как в пали и в ведийском языке) употребляются оба варианта окончаний N.Pl.n. — -āni и -ā. Приведем для примера II БНЭ, Калси: osadhīni manussopagāni... mulāni cā phalāni cā... hālāpitā ca lopāpitā cā (в Гирнаре: osudhāni... mulāni ca phalāni ca hārāpitāni ca ropāpitāni ca). Мы могли убедиться в том, что в разбираемой фразе Гирнарской версии III БНЭ гājūke и prādesike имеют окончания, свойственные восточному, а не западному диалекту (ср. Шахбазгархи гаjuko). Почему бы и yuttā в том же самом предложении не рассматривать в качестве N.Pl. среднего рода с окончанием, более привычным для восточных версий? Таким образом, мы приходим к выводу, что различие между Гирнарской и всеми иными версиями заключается в том, что подлежащее и сказуемое в первом случае стоят в ед.ч., а во втором — во мн.ч. Варианты переводов соответственно: Гирнар — «юкта же прикажет паришадам», другие версии — «юкты же прикажут паришадам».

Приказ этот касается «gaṇana в соответствии с hetu и vyamjana». В санскритских текстах hetu и vyañjana встречаются как единое сочетание, и потому мне не кажется правильным резко разводить значение этих слов (как делают У. Шнайдер: «с приведением причин – hetu и письменно – vyamjana», Р. Тхапар или Г.М. Бонгард-Левин: «С изложением причины и с объяснением в случае невыполнения»). То и другое может выступать в качестве отличительных черт, достоинств речи. Например, в знаменитом диалоге из «Рассказа о Савитри» в «Махабхарате» Яма восхищается речью героини, отличающейся vyañjana и hetu – «логикой и выразительностью» (III. 281. 25 – girā svarāksaravyañjana hetuyuktayā). Поэтому не кажутся удачными переводы vyamjana в аналогичном контексте у Ашоки как «письменно» или «явственно». Более того, если hetu и vyamjana рассматривать как достоинства речи, отпадают все переводы ganana, связанные с какими-либо финансовыми отчетами (царя – Ж. Блок, его чиновников – У. Шнайдер или горожан – Р. Бхандаркар). Известно, что палийское vyañjana выступает в паре с attha и противопоставляется последнему как «выражение и смысл», «буква и дух». Hetu – букв. «обоснование», «логика» – в данном случае, по-видимому, примерно соответствует палийскому attha («смысл»).

В самих эдиктах Ашоки еще один раз встречается глагол gan — в так называемом «Эдикте царицы», где ganiyati я интерпретировал бы как «считается» (варианты имеющихся переводов: is registered, is recorded, is to be counted to the credit). В надписях из Рупнатха и Сарнатха выражение etinā ca vyajanena и etena viyamjanena можно было бы переводить «в этих самых словах».

Теперь мы можем перейти к рассмотрению структуры III БНЭ. Вначале идет короткое вступление: «Вот что мною приказано». Затем следует фраза: «Повсюду в моей державе ютты... каждые пять лет пусть совершают объезд с такою целью, ради этого наставления о дхарме». Само наставление о дхарме выглядит как метрические строки. Калси: sādhu mātapitisu sussusā / mittasaṃthutanātikyānaṃ cā / baṃbhanasamanānaṃ cā sādhu / dāne pānānaṃ anālaṃbhe sādhu / appaviyātā appabhaṃdatā sādhu /. Наконец, после приведенной формулы, содержащей изложение основных принципов дхармы, находится та самая фраза, с анализа которой мы начали. Ее теперь можно перевести: «Ютты же прикажут паришадам считаться (с указанным выше) и по смыслу, и по форме». Ютты, названные в конце указа, несомненно, идентичны тем, о которых говорилось в его начале. Это вовсе не какие-то особые клерки из канцелярии паришада, как предполагалось в предшествующих переводах. Таким образом весь эдикт приобретает известную цельность.

Наряду с yuttā в начале эдикта перечислены также rājūke и prādesike. Форма этих слов явственно различна: yuttā стоит во мн.ч., а rājūke и prādesike — в ед.ч. Уже по данной причине я склонялся бы к тому³⁰, чтобы считать yuttā обобщающим словом, а не частью перечня, как обычно делается. Перевести пока можно так: «Каждые пять

³⁰ Mitra S.N. The Rājukas and Prādesikas of Aśoka in Relation to the Yutas // Indian Culture. I. 1934. Так же интерпретирует текст Д.Ч. Сиркар.

лет пусть отправляются в объезд (территории) юкты — (а именно) раджука и прадешика». Очевидно, последние два термина потому и не упоминаются в последней фразе эдикта, что они включаются в понятие yutta.

Мне могут возразить, что в Гирнарской версии за каждым словом в этом перечне стоит союз «и»: yuttā ca rājūke ca prādesike ca. Но сходную ситуацию мы обнаруживаем также в Гирнарской версии XII БНЭ: «и представителей всех вероучений, и отшельников, и домохозяев» (savapāsaṃdāni ca pavajitāni ca gharastāni ca). Первое слово явно не является однородным членом предложения — ср. далее: kiti sāravadhī asa savapāsaṃdānam, где pādaṃda включает в себя и pavajita, и gharasta. Другие версии дают более аккуратное чтение, например Калси: sāvāpāṣaṃdāni pavajitāni gahathāni vā, — «представителей всех вероучений — будь то отшельники или домохозяева». Похоже гирнарский писец порою механически вставлял соединительные союзы при всяких перечислениях (ср. и XIII БНЭ).

Весь эдикт в переводе будет выглядеть следующим образом: «Царь Пиядаси наперсник богова так говорит:

На двенадцатом году⁶ после помазания мною было приказано: Пусть повсюду в державе^в моей уполномоченные $^r-padжyкa^{\pi}$ и $npademuka^e-kaждые$ пять лет отправляются для объезда с такой именно целью ради подобного наставления в дхарме, как и ради иной деятельности:

"Хорошо – послушание матери и отцу; и друзьям, близкимж, сородичам,

(а также) брахманам и шраманам дарение – хорошо; невреждение живым существам – хорошо;

умеренность в тратах и в обладании имуществом — хорошо". Советам же уполномоченные прикажут считаться (с этим) в согласии с духом и с буквой (указа)».

КОММЕНТАРИИ

а Devānampiya обычно передается как «угодный богам». Речь однако не идет об особой связи с богами именно Ашоки. Своих предшественников царь называет точно так же (VIII БНЭ, К.Ш.М.). Видимо, реальное значение слова очень близко к гајап, так как оба употребляются параллельно (в версиях Г. и Дх. в указанном месте гајап; во II калингском эдикте версия Дхаули — «угодный богам», а версия Джаугада — «царь»). Кроме больших наскальных и колонных эдиктов титулатура обычно неполная — царь именуется либо только devānampiya (Малый наскальный, эдикт, о расколе и «Эдикт царицы»), либо только гајап (эдикт Бхабра, пещерные надписи). В. Смит рассматривал devānampiya как титул — «Его Величество». По сути это правильно. Ріуа я склонен трактовать как «друг», т.е. равный, принадлежащий к тому же кругу (ср. у Ж. Блока: аті des dieux). Известно, что во время помазания царя произносилась формула: «О боги, он стал одним из вас». В буддийских текстах (Джатаки І. 132 и др.) проводилось различие между deva по рождению (ирараttideva — собственно небожители) и sammutideva (те, кто помазан на царство и тем причислен к божествам).

Ашока неоднократно подчеркивает, что проповедью дхармы он открыл новую эпоху именно на рубеже 12-го и 13-го годов правления. Эту дату как значимую он называет и спустя много лет, в VI колонном эдикте. Очевидно, грань 12-го и 13-го

года после помазания знаменовала собою окончание особого периода или «большого года» царствования, о чем справедливо писал Я.В. Васильков. Мне не кажется только, что подобное ритуальное обновление царствования может быть названо «осуществлением вполне мирских, государственных функций»³¹.

^в Понятие виджита в эдиктах Ашоки, несомненно, означает всю ту территорию, на которую царь распространяет свою власть. Ее пределы четко очерчены во ІІ БНЭ: вплоть до государств крайнего юга (Чолов, Пандьев и т.д.) и до эллинистического царства Антиоха на северо-западе. Стоит, впрочем, отметить, что «незавоеванные соседи» находились не только за этими внешними границами державы, но и в непосредственной близости от провинциальных городов (например, в Калинге – см. ІІ калингский эдикт).

Судя по XIV БНЭ, виджита – вся та общирная (mahālake) земля, на которой царь приказывает высечь свои эдикты. Поэтому невозможно согласиться с Г.М. Бонгард-Левиным, что виджита ограничивалась лишь центральной областью «империи» 32. Наименование «виджита» (от vi-ji – «побеждать», «завоевывать») связано не только с реальными фактами завоеваний – оно определяется общим идеалом царя-завоевателя мира (виджигишу в «Артхашастре»).

г yutta, санскр. yukta от yuj — «использовать», «применять», «поручать». Слово не является термином, имеющим вполне определенное значение. Судя по XIII БНЭ, yutta мог быть назван и dūta — «посол», «легат» (ср. употребление dūta в дарственных грамотах на землю). Согласно І калингскому эдикту, царь каждые пять лет отправляет для объезда территории лицо, именуемое махаматра. Очевидно, в данном случае махаматра и юкта совершенно идентичны. С другой стороны, в І колонном эдикте говорится о том, что есть разные виды царских слуг (pulisā), а также махаматры приграничных областей (аṃta-mahāmāttā). Правомерно предположение, что здесь термин махаматра имеет примерно то же значение, что и pulisa. Далее, в V колонном эдикте сказано, что местные власти, хотя они и обладают самостоятельностью (attapatiye), «должны повиноваться мне, а также и слугам, знающим мою волю» (pulisāni рі те сһатфатраті). Таким образом, pulisa колонных эдиктов выполняет примерно ту же функцию, что yutta III БНЭ.

д гајјика, очевидно, связано с гајји – «веревка» и тождественно гајјидгаћака (палийское rajjugāhaka) - букв. «тот, кто держит веревку». Последний в палийских текстах («Джатаки». II.367) перечисляется среди царских приближенных. В «Артхашастре» (IV.13.10) упоминается согагајјика – раджука, ведающий поимкой разбойников, скрывающихся за пределами поселения, т.е. в лесах. Там же (II.6.3) гајји и согагајји перечисляются среди видов податей, взимаемых с сельской местности. Эти отрывочные данные явно недостаточны для определения подлинного значения слова. Р. Тхапар ссылается на то, что раджуки имели дело с «сотнями тысяч людей» (IV колонный эдикт). А так как подобного количества преступников просто нельзя вообразить, по ее мнению, раджуки занимались главным образом не судебными делами, а сбором налогов³³. В то же время в эдикте прямо говорится о том, что раджуки налагали наказания. Отсюда исследовательница делает вывод, что в предшествующие годы (до издания IV колонного эдикта) раджуки не имели подобных функций, принадлежавших чиновникам более высокого ранга (superior officers). Ашока, по ее мнению, провел некую реформу, делегировав большие полномочия средним чиновникам. Все эти рассуждения представляются мне совершенно беспочвенными. Контекст, в котором встречается слово гајјика в колонных эдиктах (V и VII), заставляет предполагать значение типа «местные власти» (как газtrika в версии Малого наскального эдикта из Еррагуди).

³¹ См. Васильков Я.В. 12-летний цикл в древней Индии // Сообщения об исследовании протоиндийских текстов. М., 1972. С. 321 сл.

³² Бонгард-Левин. Индия эпохи Маурьев. С. 189 и др.

³³ Thapar. Asóka... P. 107.

- ^е После открытия «Артхашастры» прадешику часто отождествляли с прадештаром, о котором говорит Каутилья. Но сходство этих слов мнимое, ибо первое происходит от pradeśa – «местность», а второе – от pra-diś – «указывать, устанавливать (наказание)». На это обращали внимание еще в начале века. Prādeśika и prādeśya неоднократно встречаются в санскритских и палийских текстах, а также в эпиграфике. Обычно Prādeśika тождественно с pradeśarājan (или палийское padesissaro), т.е. «местный царь» (в отличие от вселенского самодержца, например «Махавасту» I.128.14; I.10.3). В «Каушика-сутре» (§ 94.120.126) прадешики перечисляются наряду с брахманами, вайшьями и царем как местные, несамостоятельные правители. В более поздней «Раджатарангини» (IV.126) это слово означает феодалов, земельных магнатов. Нет никаких оснований думать, что в надписях Ашоки слово имеет значение, принципиально отличное от указанных.
- Р. Тхапар (с. 108) полагает, что уиttа мелкие канцеляристы, и, таким образом, юкты, раджука и прадешика перечисляются по восходящей линии табеля о рангах. Далее следует рассуждение о том, что прадешика, раджука и юкта путешествуют втроем: районный начальник (раджука) показывает областному (прадешике) результаты своей деятельности, а юкта придает этим отчетам письменную форму. Оснований для подобных реконструкций и даже для постановки вопроса о «табели о рангах» я не вижу.
- * Міtrаsaṃstutajñāti в нескольких эдиктах Ашоки выступает как устойчивое сочетание, означающее лиц, к которым надлежит проявлять щедрость (так же, как к брахманам и нищенствующим шраманам). Сопоставить это можно с пассажами из дхармашастр, где говорится об обычае гостеприимства. Например, в «Яджнавалкьясмрити» (I.108) сказано: «Следует почтительно давать милостыню нищенствующему (bhikşu) и брахманскому ученику, а также угощать пришедших в надлежащее время (гостей), а именно: sakhisambandhibāndhavān». Sakhi Виджнанешвара справедливо толкует как mitra, а saṃbandhinaḥ «те, в чью семью отдана девица замуж или откуда взята», т.е. свойственники, bāndhavāḥ «родичи по отцу или по матери». Јñāti в эдиктах Ашоки, несомненно, тождественно bāndhava. Это дает основания предполагать, что и заṃstuta не просто «знакомый» (как обычно трактуется), а «близкий», «свойственник». Во всяком случае требование проявлять щедрость ко всем своим знакомым кажется чрезмерным.

Аналогичные предписания содержатся и в сутрах. «Параскарагрихьясутра», например (П.9.11–14), говорит о том, что вначале следует одарить брахмана, затем «нищенствующих» (bhikşuka), гостей, домочадцев. «Вишну-дхармасутра» (57.42) дает наставления о том, как «почитать угощением» брахманов, гостей и слуг (ср. упоминание в сходном контексте «рабов и наемников» в эдиктах Ашоки).

* * *

Теперь мы вправе, наконец, поставить наиболее важные для историка вопросы, вытекающие из данной интерпретации источника. Какие же «советы» имеются в виду? Из самого эдикта следует, что речь идет о таких паришадах, которым царские легаты доставляют наставления о дхарме. Очевидно, достаточно посмотреть, кому именно адресованы указы, чтобы решить эту проблему. В нескольких надписях есть своего рода сопроводительные письма, которые сознательно или по оплошности писца воспроизведены в камне. Так, мы читаем в надписи из Косама: devānaṃpiye ānapayati. kosaṃbiyam mahāmāt[tā vattaviyā] — «Его Величество приказывает: махаматры в (городе) Каушамби (должны быть оповещены)». Так же выглядит и начало надписей из Брахмагири: Isilassi mahāmāttā vattaviyā — и в обеих версиях двух калингских эдиктов: Tosaliyam mahāmāttā vattaviyā и Samāpayam mahāmāttā vattaviyā.

Совершенно ясно, что адресатом эдиктов являются городские власти – махаматры. Но для нас особенно существенно, что слово «махаматры» всегда употребляется во мн.ч. Единственное объяснение этого я вижу в том, что «власти» составляли некий коллегиальный орган управления. Мелкие города типа Исилы и Самапы управлялись только этими советами махаматров. Лишь в очень небольшом количестве городов мы видим некое подобие единоначалия. В Тосали, согласно ІІ калингскому эдикту, находился кумара, т.е. «принц». В Уджаяни и в Таксиле такие же «принцы» выполняли функции наместников царя. Именно они, играя роль, аналогичную царской, отправляли юттов для регулярных объездов своих территорий. Вполне возможно, речь идет не просто о титуле, но и о действительных родственных отношениях с царем Магадхи. Во всяком случае, согласно буддийским легендам, сам Ашока был таким «принцем» именно в этих городах. В Суварнагири находилась резиденция «принца», имевшего иной титул — арьяпутра.

Хотелось бы обратить внимание на то, что, видимо, ни один из этих «принцев» не был единовластным управителем города. Во всяком случае послание к махаматрам Самапы составлено от имени не только кумары, но и махаматров Тосали. Точно так же послание к махаматрам Исилы составлено от имени арьяпутры и махаматров Суварнагири. І калингский эдикт вовсе не упоминает кумару в Тосали, а только городских махаматров. Таким образом, в городе иногда был «принц», иногда его не было, но махаматры были всегда. Очевидно, в руках махаматров, их коллегии, и находилась реальная власть.

Думаю, не будет слишком смелой гипотеза об идентичности обоих институтов: коллегий махаматров (городских властей), которым передавались эдикты, процитированные выше, и тех паришадов, о которых III БНЭ говорит как об адресате «эдиктов о дхарме».

Мы можем убедиться в этом, сравнивая III БНЭ с другими указами, например с I калингским. Иногда даже сама фразеология в обоих случаях идентична. Ср. I кал.э.: etäye ca athäye hakam mahāmātam pamcasu pamcasu vasesu nikkhāmayissāmi ... anusamyānam — «И с этой целью я буду посылать махаматру каждые пять лет для объезда». III БНЭ: yuttā ... pamcasu pamcasu väsesu anusamyānam nikhamamtu etäyeva athäye — «Юты пусть отправляются каждые пять лет для объезда с этой именно целью». Махаматра, упомянутый в I калингском эдикте, явно тождествен с ютта в III БНЭ. Согласно I калингскому эдикту, его функция заключалась в том, чтобы проверить, так ли местные власти поступают, как царь повелел в отношении дхармы. А посланец, упомянутый в III БНЭ, должен приказать местным властям соблюдать царские наставления о дхарме.

Аналогичное впечатление оставляет и фрагментарная версия Малого наскального эдикта, обнаруженная в Еррагуди. В ней говорится: rājuke ānāpayitaviye — «раджуке следует приказать» (отправиться с целью объезда территории). И далее: «Он же пусть прикажет (ānapayissati) народу³⁴ и властям³⁵ (jānapadam rātthikān[i]ca) (соблюдать наставления о дхарме)» — очевидный аналог разобранному выше parisā рі āñapayissati yutte. Наставления же о дхарме, которые раджука передает «властям и народу» там и здесь идентичны не только по содержанию, но и по форме: Ерр. — mātapitusu sussutaviye и далее, ІІІ БНЭ. — mātapitusu sussusā и далее.

Термин паришад еще один раз встречается в эдиктах Ашоки. В VI БНЭ царь с

³⁴ Первичное значение слова јапараdа в санскрите – «область», вторичное – «сельская территория» (противопоставление «городу»). Јапараdа в эдиктах Ашоки нередко переводят как «население сельской местности». Но для раннего периода со слабым развитием урбанизации следует предпочесть скорее первичный смысл – «народ, населяющий область», т.е. «провинциалы». Jana јапараda (VII колонный эдикт) противопоставляется скорее «старцам» и брахманам (как в VIII БНЭ), чем «горожанам», которые в эдиктах не упоминаются вовсе. В XIII БНЭ јапараdа, несомненно, означает регион расселения определенного народа (т.е. јапа). Очевидно, и другие этнические группы, упомянутые в эдиктах, занимали территории, которые можно определить словом джанапада.

³⁵ Rāṣṭrika, rāṣṭriya, rāṣṭrapati — слова, часто встречающиеся в эпиграфике и означающие правителей (или управителей) отдельных областей.

гордостью заявляет, что его информаторы (prativedaka) приносят ему сообщения, где бы он ни находился во всякое время. Здесь отражается общеиндийский идеал всеведущего царя, который имеет многочисленных осведомителей. Популярный афоризм (например, в некоторых рукописях «Ману-смрити» после IX.256) гласит: «Поскольку с помощью агентов цари наблюдают за всеми делами, сами находясь далеко, их называют сагасакsuh» (тот, кто видит посредством агентов). По словам Ашоки, царю должны без промедления докладывать о том, как воспринимаются в паришаде его собственные указы (уа са kimci mukhato āñapayami svayam), касающиеся дарений или манифестов (dāpakam vā srāvāpakam vā), — есть ли по этому поводу согласие или возражения (vivādo nijjhattī vā) — или о тех срочных (ассауiкаm) делах, которые возникают у самих махаматров.

В данном случае мало кто сомневается, что речь идет о «совете министров». Однако это не кажется очевидным. Ведь мы могли убедиться в том, что не только в столице, но и во всех городах – даже весьма небольших – были свои «советы», именовавшиеся словом паришад. И члены этих советов назывались тем же термином махаматра. Мне кажется, царю важно было убедить провинциалов в том, что он находится в курсе всего происходящего в их собственных органах управления, а вовсе не в кругу своих приближенных. Посланца из центра (как бы его ни называли – yutta, гајјика, таћатата) местные жители и видели-то лишь раз в пять лет (даже такая периодичость составляла предмет гордости магадхского царя!). И что за дело было жителям глухой Калингской провинции или какой-нибудь Исилы (где выставлялись и оглашались эдикты) до дискуссий, происходивших в совете далекой Паталипутры?!

Содержание III БНЭ заставляет обозначить и следующую проблему: а из кого, собственно, состояли городские советы? Их члены именовались термином махаматра, что обычно трактуется как «министр», «сановник», «вельможа», «высшее должностное лицо» (jeder hohe königliche Beamte)³⁶ и т.д. Но что тогда сказать о махаматрах, управлявших каким-нибудь поселением вроде Самапы? Они явно не могли быть ни «министрами», ни «вельможами». Более того, само их назначение вряд ли зависело от магадхского царя или определялось чисто бюрократической карьерой. Но тогда вообще нет оснований считать их königliche Beamten. Нет ничего естественнее предположения, что паришады – просто органы самоуправления, а городские власти – махаматры – представляли местную политическую элиту.

Хорошо известно, что в поздневедийской литературе паришад упоминается как «собрание народа/племени» (например, «паришад панчалов» в «Брихадараньяка-упанишаде» VI.2.1). Широкие по составу городские органы управления встречаются и в греческих источниках о Северо-Западной Индии. В Нисе, по словам Арриана (Поход Александра. V.2), «правительство» состояло из 300 наилучших (т.е. знатнейших) граждан. Индийцы назвали бы такое «правительство» словом сабха или паришад. Трудно представить, что подобные институты полностью исчезли всего через несколько десятилетий, во времена Ашоки.

Греки могут говорить о членах совета как о людях наилучших и выдающихся. Думаю, что индийское слово махаматра примерно соответствует такому определению. Буквальное значение маха-матра — просто «крупный», «большой» (человек), конкретный же смысл зависит от контекста. Например, в эдиктах мы видим, что царь посылает с миссией своего «махаматра» (І калингский эдикт). Последний приходит в город, например в Суварнагири, и передает царские наставления местному «принцу» и городским махаматрам. Из этого центра указ пересылается в мелкие города — тамошним махаматрам (Малый НЭ). Статус махаматра, очевидно, в каждом случае разный. Махаматры, из которых состоят местные советы, конечно, городские старейшины. Но даже тот махаматра, который был послан из столицы, не может лишь на этом основании безоговорочно считаться «царским чиновником» — даже если его называют «уполномоченным» или «слугою».

³⁶ Lüders. Op. cit. S. 79.

В литературе последних лет неоднократно отмечалось, что некоторые из махаматров похожи скорее на сорагсепегѕ with the king in the realm, чем на государственных служащих³⁷. Мне уже приходилось писать³⁸ о том, что в «Артхашастре» слово махаматра отличается крайней расплывчатостью и значит почти то же, что pradhāna («выдающийся» или «высокопоставленный» человек). Как синонимы рассматривают эти два слова и санскритские средневековые словари. Pradhāna в «Артхашастре» противопоставляется всякого рода «мелкому люду», «людишкам» — kşudraka (I.13.26) и в этом качестве оказывается близким таким словам, как махаматра (I.13.1) и махаджана (IX.6.3), т.е. «большой человек». Совершенно аналогичную картину можно наблюдать и в маурийской эпиграфике. Слово khuddaka встречается в эдиктах Ашоки не раз. Его антонимами выступают mahatta/mahātpa/mahadhana, udāra или uṣata. Все они означают: благородный, выдающийся, богатый. Последние слова из разных версий, очевидно, синонимичны или близки по смыслу, отражая деление древнеиндийского общества на знать и простонародье.

Нет ничего более далекого от истины, чем определение Маурийской державы как единого государства с развитой бюрократической структурой и сильной центральной властью. Города, доминировавшие над сельскими регионами (зачастую, видимо, районами расселения того или иного племени), находились в ведении советов или собраний. Центр имел весьма ограниченные возможности для контроля над этими органами самоуправления. Миссии легатов, раз в пять лет совершавших объезды территорий, неизбежно должны были приобретать церемониальный характер. Они были призваны продемонстрировать народу праведность царя и его требования к местным властям проявлять такую же праведность.

При отсутствии профессиональной администрации и бюрократического механизма управления реальная власть, очевидно, находилась в руках знати и осуществлялась ею через традиционные социальные и политические институты. Причинами рыхлости «империи» являлись не только и не столько ограниченность средств коммуникации, сколько степень развития государственности и сам характер общественных отношений. В свете предложенной концепции более понятными становятся как содержание эдиктов Ашоки, так и общие процессы возникновения и распада первой в истории Индии «великой державы».

ON THE INTERPRETATION OF ASHOKA'S EDICTS: PARISAD

A.A. Vigasin

The author suggests a new interpretation of the last phrase of the IIIrd Rock Edict by Ashoka: «Special officials will order the local councils to respect (this edict on *dharma*) in the spirit and the letter». He draws the attention to the fact that Ashoka's inscriptions are always addressed to the local «authorities» (*mahamatras*) in the plural form. A conclusion is made that the latter constituted certain collegia, councils. The central power had very few opportunities of supervising those bodies of local self-government. Only once in five years special officials from Pataliputra appeared in those cities. Such visits were certain to be of ceremonial nature. Considering the whole set of Ashoka's edicts, the author concludes that the *Mauryan* state was not a centralized empire with a developed bureaucratic structure. It is this that accounts for its easy creation and quick desintegration.

³⁸ Вигасин. Государство... С. 148.

³⁷ Heesterman. Op. cit. P. 133; Scharfe H. The State in Indian Tradition. Leiden, 1989. P. 139 f.; Лелюхин Д.Н. Государство, администрация и политика в «Артхашастре» Каутильи // ВДИ. 1993. № 2.